

НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА

Избранник Евы

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н56

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Фотография Натальи Нестеровой — Дмитрий Романов

Оформление — Екатерина Василевская

Нестерова, Наталья

Н56 Избранник Евы: [повесть, рассказы] / Наталья
Нестерова. — Москва: Издательство АСТ, 2023. —
224 с. — (Между нами, девочками. Истории Натальи
Нестеровой).

ISBN 978-5-17-158548-8

...В девичьих мечтах Избранник представлялся совершенно
иным. Высоким, стройным, белозубым философом-поэтом с тон-
кими длинными пальцами. А москвич, за которым Ева плелась
в метро, был крепким брюнетом. И хорошая подача с углового его
интересовала больше, чем законы диалектики. Но Ева знала один
секрет: мужчины выбирают, будучи давно выбранными...

Эта светлая и ошеломляющая повесть Натальи Нестеровой
о бессмертной любви, пронесённой через страны и века, не пере-
издавалась более десяти лет по ряду причин и за это время стала
еще актуальнее и пронзительнее. И вот наконец она возвращается
к читателям!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Н. Нестерова, наследники, 2023
Все права защищены

© ООО «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-158548-8

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет книги
НАТАЛЬИ НЕСТЕРОВОЙ

«А в остальном, прекрасная маркиза...»

Бабушка на сносях
Воспитание мальчиков
Встать, суд идет!
Вызов врача
Выйти замуж
Гости съезжались на дачу
Давай поженимся!
Двое, не считая призраков
Девушка с приветом
Дом учителя
За стеклом
Избранник Евы
Испекли мы каравай
Ищите кота

Конкурс комплиментов и другие рассказы от первого лица

Кошки-мышки
Любовь без слов
Манекен
Милое исчадие
Неподходящий жених
О любви
Обратный ход часов
Однажды вечером
Отпуск по уходу
Позвони в мою дверь
Полина Сергеевна
Портрет семьи
Простите меня!
Про девушку, которая была бабушкой
Сделайте погромче
Стоянка запрещена
Татьянин дом
Точки над «Ё»
Ты не слышишь меня
Укус змеи
Уравнение со всеми известными
Фантазерка
Целую ручки
Школа для толстушек

«ЖРЕБИЙ ПРАВЕДНЫХ ГРЕШНИЦ»

Сибиряки
Стать огнем
Возвращение
Наследники

СОДЕРЖАНИЕ

Избранник Евы.	5
Лотерея	86
Объявление в газете	115
Позвони мне, позвони!	125
Зефир в шоколаде.	139
Ни сном ни духом.	159
Конкурс комплиментов.	174
Переходный возраст.	194
Сарафанное радио	209

ИЗБРАННИК ЕВЫ

*Татьяне Луниной, чье обаяние
почти волшебное*

I

В Советском Союзе семидесятых годов двадцатого столетия новой эры я оказалась по двум причинам. Хотелось посмотреть на страну развитого социализма и пощеголять в мини-юбке. Если бы я прошла с голыми коленками по улице средневекового города, например во Франции, мужчины сошли бы с ума от вождения, а женщины немедленно заклеямили бы меня ведьмой и отправили на костёр. Да что там Средние века! Неплохой писатель девятнадцатого века Виктор Гюго писал истеричные письма своей возлюбленной, обвинял ее в бесстыдстве только за то, что, переходя улицу, девушка приподняла юбку и посторонние мужчины увидели ее щиколотки.

Впрочем, стройные ножки не оставляли равнодушными мужчин во все века. Как и блюстителей

нравственности, которые почти сплошь старики, давно отгулявшие свою безнравственность.

— Срамотень! — перегородила мне дорогу нагруженная сумками тётка. — Стыдоба! Чего юбку задрала? Задницу отморозишь! А сама белая, как первый снег!

Разве первый снег отличается по цвету от последующих? У русских особое цветовое зрение? И я, видимо, не подхожу под принятые стандарты красоты.

С грубиянами надо обращаться издевательски вежливо. Еще лучше — осадить их сотворением небольшого чуда. На глазах у тётки я стала на десять сантиметров выше и покрылась в ровный шоколадный цвет.

— Так вам больше нравится? — спросила я. — И спасибо за заботу, мне не холодно.

— Гэ-гэ-гэ, бэ-бэ-бэ... — Она вытаращилась и принялась перечислять согласные буквы алфавита.

— Или так лучше? — Я осветлила загар.

— Тэ-тэ-тэ...

— Сейчас вы уроните авоську, — предупредила я.

Реакция старой моралистки никуда не годилась.

Сумка упала, и ее содержимое: туалетная бумага и яйца — вывалилось на землю. О чудесах было мгновенно забыто. Проклиная меня, срам-

ную моду, очереди, дефицит, потребность питаться и справлять естественные нужды, тётка принялась очищать рулоны от белка и желтка.

«Народ, которому туалетная бумага дороже чудес, непобедим, — пришло мне на ум. — Надо подсказать эту мысль какому-нибудь политическому деятелю».

Мой путь лежал на стадион, хотела посмотреть игру под названием футбол. Во времена моих родителей, как и в средневековой Франции, где я хотела поселиться, футбола еще не было. Транзитная остановка неожиданно затянулась на годы. Но обо всем по порядку.

Происходившее на поле мне быстро наскучило. Во-первых, болельщики, судя по их воплям, гораздо лучше разбирались в игре, чем футболисты и арбитры. Во-вторых, выигрывала команда, носящая имя римского раба Спартака. А он мне никогда не нравился. Самые свирепые и кровожадные лидеры получают именно из бывших рабов. В-третьих, спортсмены были одеты! В нелепые шорты, майки, гольфы до колена. Я родилась и выросла в Древней Греции, и хотя меня можно смело считать современницей всех веков и племён, традиции Эллады я люблю особо. Да и каждому человеку представляется, что яблоки на его родине слаще, народ красивее, обычаи правильнее, солнце ярче, а птицы голосистее. У нас на Олимпийских играх атлеты

выступали обнажёнными, полностью нагими или в набедренных повязках. Это давало возможность не только болеть за результаты состязания, но и насладиться красотой юношеского тела. Какой смысл в победах, если нет никакой эстетики, если ты не можешь восхититься самым совершенным творением природы — человеческим телом?

Заскучав, я принялась рассматривать противоположные трибуны. Сидевшие за многие десятки метров от меня люди, конечно, и предположить не могли, что симпатичная девушка видит их как в телевизоре крупным планом. В потоке лиц, гневных и весёлых, кричащих и топающих ногами, самым забавным был дядька, судорожно, по-беличьи грызущий ногти на пальцах. Такая же привычка была у правителя Лесбоса. А что еще ему оставалось, когда на острове поселились подружки Сафо?

Рядом с грызуном сидел парень, чей облик показался мне странно знакомым. Молодого человека я определённо никогда не видала, но словно знала всю жизнь. Он не похож ни на кого из моих родных, но почему-то роднее всех их, вместе взятых. Избранник?

Перспектива быстро найти Избранника меня не радовала. Я хотела бы погулять несколько лет — попутешествовать по странам и временам, познакомиться с великими художниками и поэ-

тами, перекинуться словом с философами, подсказать им пару-тройку идей, а потом, через столетия, увидеть эти идеи в академических учебниках. Но весь второй тайм я наблюдала за молодым человеком, не могла отвести взгляда и поймала себя на желании видеть это лицо круглосуточно, с перерывами на короткий сон. Да и пусть бы он мне снился — не откажусь.

После игры я едва не потеряла молодого человека в толпе, которая двигалась к метро. Отыскала его затылок, как привязанная взглядом, медленно тащилась в потоке и всё терзалась: неужели Избранник?

В девичьих мечтах Избранник представлялся совершенно иным. Высоким, стройным, белокурым, белозубым, философом-поэтом с тонкими длинными пальцами. А москвич, за которым я плелась, следила в метро, был кряжистым брюнетом. И хорошая подача с углового его интересовала больше, чем законы диалектики.

Мы подходили к дому. Пора знакомиться. Сомневаюсь, что он разгадал бы тайный смысл уроненного мной платка. Пришлось действовать примитивно, жертвовать собственным телом. Метод, проверенный веками.

Я обогнала молодого человека. Первой вошла в подъезд, стала подниматься по лестнице и... оступилась. Не подхвати меня вовремя Избранник, я бы лихо пересчитала спиной ступеньки.

— Простите! Спасибо! — поблагодарила я, освобождаясь от его рук, и тут же взвизгнула от боли. — Ай! Не могу на ногу ступить!

— Выхих, наверное. Ничего, обопритесь на меня.

— Пожалуйста, если вам не трудно, помогите добраться до пятой квартиры, там живёт моя тётушка.

Я положила руку ему на плечо, он обнял меня за талию. Изображать воздушное создание и прыгать на одной ноге — задача не из лёгких.

— Уж не обессудьте. — Он взял меня на руки.

— Господи, как неловко! — почти искренне смутилась я.

К сожалению, впереди было два этажа, а не десять. Я уменьшила свой вес на пятнадцать килограммов, чтобы Избранник не утомился, и заглянула в его мысли.

«Лёгкая как пёрышко, — думал он. — Почему я не живу в небоскрёбе?»

Ход мыслей меня вполне устраивал. В своё оправдание скажу, что более я никогда не копалась в его голове. Бессмысленно, глупо и непорядочно подслушивать мысли дорогих тебе людей. Жизнь потеряет свежесть красок и радость открытий. И даже горечь ссор и размолвок, настойчиво внушала мне мама, должна быть эмоционально острой и свежей. Выльешь на голову ведро холодной воды — взбодришься. Станешь

лить по стакану на макушку — замёрзнешь, простудишься.

Моя пра-пра-пра... бабушка паслась в мыслях своего Избранника постоянно, дневала и ночевала, а кончилось всё плачевно. Той пра-пра-пра... жутко не повезло: Избранника нашла среди алеутов на просторах вечной мерзлоты. А что делать? Избранника в лучшие времена и тёплые края не перетащишь. Пра-пра-пра... дедуля ко всему прочему был страстным любителем женского пола. Алеутки в детородное состояние впадали только коротким летом (вроде собак с течкой), дедуля носился по стойбищам и оплодотворял женщин Крайнего Севера. В мозгу его, к ужасу бабушки, клокотала только одна мысль про это самое оплодотворение. Бабушка стала тайком продавать белым старателям песцовые шкуры за огненную воду, превратилась в алкоголичку, спилась и погибла — замёрзла, не дойдя три шага до чума. Так что лучше оставить мужские мысли в тайне и не портить себе жизнь!

У дверей пятой квартиры, возвращённая на одну ногу, я стала благодарить и прощаться:

— Спасибо большое! Теперь всё в порядке, мне тётушка поможет. До свидания!

— Вы позвоните. — Молодой человек не торопился уходить.

На звонок никто не ответил, и я вполне естественно испуганно и растерянно округлила глаза.

— Не волнуйтесь, — подбадривающе улыбнулся почти-Избранник. — Сейчас мы у Елены Петровны всё узнаем. — И постучал в соседнюю дверь.

Ах, какая у него улыбка! Хорошо бы увидеть такую улыбку на лицах своих детей...

Каких детей? Что в голову лезет? Мне неделю назад исполнился двадцать один год! Рано о детях думать! Или пора? Как же мечты о путешествиях, полётах во времени? Дёрнула меня нелёгкая! Футбола захотелось! Юбки революционной! Встретился на пути! Улыбается! А у меня дыхание останавливается...

Реакцию на его улыбку — панический испуг — молодой человек принял за мое естественное беспокойство о покалеченном теле и неясном будущем. Еще раз призвал меня не волноваться. Если бы он не улыбался, я бы не нервничала!

Дверь открыла немолодая женщина с лихо повязанным на голове платком. Так, закрывая лоб и макушку, с узлом на затылке носили козынки пираты. Молодой человек поздоровался с «пираткой» и спросил, не знает ли она, где моя тётушка.

— Два дня назад в Сочи укатила.

— Ой! — пискнула я. — А как же телеграмма? — И внимательно посмотрела на Елену Петровну, чтобы она вспомнила о несуществующей телеграмме.

— Утром принесли, — подтвердила соседка. — Это ты племянница из Киева? Имя еще какое-то чудное.

— Ева, — представилась я.

Имя совершенно простое, можно сказать, первое из женских имён, вызвало у молодого человека поразительную реакцию. И в голову ему не нужно было заглядывать, по глазам было видно — он представил меня без одежды, в чем мама родила. И остался доволен увиденным. Спасибо тётке-моралистке с яйцами и туалетной бумагой, благодаря которой я подогнала свое тело под московские стандарты.

— Паспорт есть? И где твой багаж? Почему на одной ноге стоишь? — сыпала вопросами Елена Петровна.

У меня не было даже дамской сумочки. И, естественно, я не собиралась, обзаведясь чемоданом, носиться по Москве эпохи развитого социализма за Избранником.

— Багаж на вокзале. Сумочку с паспортом в метро срезали, только ручки остались. А еще... вот... ногу сломала... — Я выразительно потянула носом набежавшие слезы. — Как всё ужасно! И тётя уехала!

Колченогая, обворованная, вот-вот готовая разрыдаться, несчастная по всем статьям (одновременно беспомощно прекрасная), я вызвала мощный всплеск жалости и сострадания. Расчёт

был точен! Елена Петровна вручила мне ключ от квартиры «тётушки» и посоветовала Кириллу (так звали молодого человека) сводить меня в травмпункт.

В это странное медицинское учреждение для легко покалеченных людей Кирилл нёс меня на руках. Не смущался косых взглядов, а то и откровенно издевательского свиста нам в спину. Я так растрогалась, что рентген показал фигурно-замысловатый перелом лодыжки. Врач вытаращился на снимок и заявил, что меня немедленно требуется везти в больницу на операцию, что следует быть готовой к хромоте, которая останется на всю жизнь. Вот уж нет! Ошибочку я исправила, и врач через секунду, глядя на тот же снимок, произнёс:

— Впрочем, погодите! Это банальная трещина. Наложим гипс и вся недолга.

Целый месяц я честно проносила гипсовый сапог. Прыгая на костылях, сдавала экзамены на исторический факультет Московского университета. Кирилл всё свободное время проводил около меня, «инвалидки», маскируя мужской интерес под дружеское участие.

Псевдотётушку, участкового терапевта с неудавшейся личной жизнью, я отправила посольским врачом в Индию. Там в семье одного дипломата зрел развод, и тётушка его ускорила, утешив дипломата сытными украинскими бор-

щами и протяжными песнями, удивительно прожившимися на душу в тропической жаре. Развод и новый брак не повлияли на карьеру дипломата, что было по тем временам крайним исключением. Уход из семьи не только не поощрялся, но карался самым жестоким образом. Моему «дядюшке» грозила опала, до пенсии перекладывал бы бумажки в каком-нибудь заштатном отделе МИДа. Естественно, я не могла допустить подобной жестокости, и они благополучно отправились в следующую командировку в Индонезию, приобретя репутацию обладателей мохнатой руки на самом-самом верху коммунистической иерархии. А мне досталась маленькая двухкомнатная квартира, которую я славно обставила.

Поженились мы с Кириллом через три года, когда я окончательно убедилась, что он — Избранник. И семейная жизнь с ним стоит отказа от волшебства (почти отказа), колдовства и полётов во времени. Я училась в университете, а он работал инженером на секретно-космическом заводе.

Дай мне волю, я бы в двадцати томах описала наше сближение, каждый день, каждое свидание. Но, боюсь, это будет мало интересно. Вместо двадцати подробных томов скажу кратко. Развитие любви походит на скольжение по гладкой втягивающей воронке. Сладкое втягивание и